

Mike Lebedev

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

\vec{F}
 $\text{FeS}(t)\Sigma$

БОРНИК

ПРОГРАММ
И ЗАДАНИЙ

ДЛЯ СТУДЕНТОВ 2 КУРСА
НА Весенний семестр 1991-92 г.

глазами изнутри

МОСКВА-ДОЛГОПРУДНЫЙ, 1990-2008

Mike Lebedev
FeS(t)EX глазами изнутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27433398

ISBN 9785448596179

Аннотация

Вольный текст о нашем любимом Московском физико-техническом институте, каким мы его запомнили, и о том, каким он запомнил нас.

Содержание

Пролог	5
Олег Юрьевич	10
Эпизод один/Эпизод два	18
Гимн 034	39
Сергей Базилевич и немного лирики	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

FeS(t)EX глазами изнутри

Mike Lebedev

Дизайнер обложки Феликс Геннадьевич Кулаков

© Mike Lebedev, 2017

© Феликс Геннадьевич Кулаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-9617-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Московский Ордена Трудового Красного знамени
Физико – Технический Институт
был основан 25 ноября 1946 года согласно...
(из Постановления)*

*Если есть Физтех, то должен быть и Физ этих
(малоудачный, хотя и популярный каламбур)*

Привет. Меня зовут Ричард Эшкрофт (Richard Ashcroft), я родился в Англии, с 1990 по 1997 год играл и пел в составе The Verve, весьма успешной группы ныне отмершего стиля «брит-поп», в результате чего был признан одним из лучших рок-поэтов конца 90-х годов прошлого века, что и побудило...

Шутка. Шутка всё, кроме, быть может, «поэта», хотя эта книга будет исключительно в прозе. Меня зовут Михаил Лебедев (Mike Lebedev), я родился в Москве и указанный промежуток времени посвятил гораздо более прозаическому на первый взгляд делу – учебе в прославленном Московском физико-техническом институте, в просторечии известном как «Физтех». «Шесть счастливых лет» – так традиционно называют указанное занятие все общеупотребительные путеводители по Стране Знаний... (по традиции, в Физтехе, вернее НА Физтехе, как принято выражаться НА нём са-

мом – процесс созревания молодого, талантливое специалиста несколько замедлен и составляет шесть лет вместо общепринятых пяти – прим. авт.)

Нам в некотором смысле исключительно повезло. Мы, родившиеся в начале семидесятых, сумели более-менее осмысленно пожить сразу в двух эпохах. Мы еще успели под грохот барабанов вступить в пионеры на Красной площади, а наиболее ретивые – еще и в комсомол, на волне его какого-то очередного переломного, а заодно уж и последнего съезда. На первом курсе нам еще пришлось, позевывая, законспектировать что-то из Карла Маркса, пусть уже и в рамках курса некоей «Гуманитарной общечеловеческой истории» – а дипломы, эти «путевки в Большую жизнь», в которой, правда, уже давно жили, мы получили под торжественные клятвы Первого Президента, вступающего на второй срок. Путчи, дефолты и многочисленные «впервые поистине демократические выборы» совпали у нас с зачетами, экзаменами и проваленными сессиями.

Родись мы чуть позже – мы не застали бы уже многих занятных, хотя и абсолютно бесполезных с практической точки зрения вещей. Чуть раньше – в буйное время «рождения новой, свободной России» мы бы вошли уже как минимум более взрослыми, а значит – куда как более циничными (ну или хотя бы – более-менее сформировавшимися людьми с «высшим образованием»). Мы же прошли по самому срезу. Я же и говорю – повезло.

Мы мечтали стать физиками, химиками и конструкторами баллистических ракет (ну, кто мечтал, конечно... вот я мечтал). А стали брокерами, аналитиками, зампредами (хотя я вот не стал) и, прости-господи, менеджерами (наверное, тут мечтал не так сильно). Мы не принесли пользы нашей бедной Родине, расщепляя атомное ядро, синтезируя новые элементы и запуская межпланетные корабли. А если и принесли, то пользу исключительно пассивную: НЕ расщепляя, НЕ синтезируя и НЕ запуская. Так получилось. Нашей вины тут нет, а если и есть, то совсем чуть-чуть. Такое было Время...

...При таком мощном, преисполненном искреннего гражданского пафоса Прологе, самое время перейти к написанию чего-нибудь наподобие «Гимна потерянного поколения». Однако ж нет. Эта книжка будет абсолютно аморальна. Аморальна в том смысле, что в ней не будет никакой морали. Зато будет несколько забавных (хотя иногда и чуточку грустных) историй про одно из самых лучших мест на этой земле, где нам довелось побывать. Побывать, разумеется, и в самое лучшее время – на очередном переломном срезе стыка эпох, но это уж как водится. А «Гимн...» Пожалуй, как-нибудь в другой раз.

Да и какое мы, сказать по правде, «потерянное»... хотя и особо «найденным» нас тоже не назовешь. Сейчас, скажем, если к кому из будущих персонажей меньше чем через две секретарши дозвонишься – считай, уже большая уда-

ча. Хруст купюр скрасил нам горечь того, что до смешного мало в нашей жизни встречается вторая частная производная по времени, ибо, как неустанно повторял доцент Петрович: «Лишь человек, хотя бы раз, самостоятельно взявший эллиптический интеграл по поверхности, может с уверенностью утверждать, что дважды два – это всё-таки четыре»... (Петрович, кстати, – это не запанибратское такое обращение к наставнику, а настоящая фамилия). Один лишь автор, до сей поры пребывающий в статусе «будущего знаменитого писателя», в своей скромной каморке строчащий эти взволнованные строки, хотя... если вы держите в руках эту книжку, то... Тс-с-с... Представление начинается.

И начинается оно, конечно, с какого-нибудь ударного эпизода, чтобы сразу захватить драгоценное читательское внимание. Ну, вот хотя бы с этого...

«...И тогда, значит, Конь Лёшу Голикова ласково так сзади приобнял, от каковой наглости оба практически синхронно выкатили глаза – да и говорит ему:

– Лёш, тут, значит, у нас к тебе такое дело...»

Хотя нет. Тут пока многое непонятно. И про Коня, и про Лёшу Голикова. Начнем с другого.

«... И тут, значит, неожиданно проснулся мужчина в очках и самом крайнем ряду, и крайне заинтересованно так спросил:

– Молодой человек! Ну а вот если по сути своей – известно ли Вам хоть в малейшей степени...»

Стоп. Тут тоже надо всю предысторию рассказать.

«...Тут подошел Макс, самый умный, надо заметить, из всех нас – и сказал... А студент Базилевич вдруг откуда-то сбоку тоненько так возьми да и пискни... А Митрич со всех своих ста девяносто четырех вдруг как перегнется через парапет и во весь голос...»

В общем, ясно. Рассказывать будем с самого начала. Ну, так оно и правильно.

Олег Юрьевич

Про Физтех мать талдычила всегда. По крайней мере, с того момента, как я, скрепя сердце, расстался с детскими мечтами стать милиционером, водителем «Икаруса» и продавцом мороженого – и горестно осознал тот факт, что судьба моя, как и всякого ребенка из интеллигентной семьи, решена: «поступать». Причем делала это в присущей женщинам иносказательной форме. Работая в секретном «ящике», она говорила так: «У нас на работе много умных мужиков. Но СООБРАЖАЮТ – только те, кто с Физтеха...» Аргумент, честно говоря, звучал веско, но несколько расплывчато. Так что всё, что удалось уяснить на предварительном этапе – это то, что загадочный «Физтех» находится в дыре еще большей, нежели наше родное Бескудниково, где-то в не менее загадочном «Долгопрудном» и, по всей видимости, титул «Московский» носит по недоразумению.

Да и вообще отношения с физикой как с наукой сперва никак не складывались. Перельмановская «Занимательная физика» была занимательной, а вот школьные опыты по замеру диаметра сушеного гороха – не очень, не говоря уж про мучительные попытки растущего мозга осознать тонкую разницу между «весом» и «массой». Математика нравилась больше. Особенно после того, как удалось занять третье место на районной олимпиаде, что в масштабах школы произ-

вело самый настоящий фурор. Нет, ребята-то у нас, на нашей рабочей окраине, были все хорошие, но всё-таки до той поры родное среднее учебное заведение если где и лидировало на локальном уровне, то разве лишь по количеству стоявших на учете в детской комнате милиции и числу внеплановых беременностей у старшеклассниц. А так всё хорошо, да... Учительница Татьяна Петровна торжественно поздравила перед классом и в подарок вручила брошюру. На обложке значилась всё та же загадочная аббревиатура «МФТИ» (подозреваю, что и тут без мамы не обошлось), а внутреннее содержание сулило читателям по окончании «шести счастливых лет» скорейший выход на самый что ни на есть передний край прославленной отечественной науки...

Поздно. У меня уже снова была Мечта. Ясными вечерами, благо, позволял наш десятый этаж, через не застроенный еще «монолитными» высотками город я часто разглядывал ее светящийся, пронзающий низкое московское небо шпиль. Университет. Московский, Государственный, имени Ломоносова. Обязательно мехмат. Ну, или, в крайнем случае, ВМК, вычислительная математика и кибернетика. Весной, дав родителям честное слово кататься «только вокруг дома», мы с моим закадычным корешем Олегом Юрьевичем предпринимали довольно рискованные велосипедные поездки на Ленинские горы, и там я зачарованно давал полный круг по необъятной территории. «Мой... моё... здесь я буду учиться... прямо как в кинокартине „Курьер“ буду с серьез-

ным видом сходить по этим ступеням после занятий...» – а Олег Юрьевич наблюдал за мной с некоторой иронией во взгляде. Хотя у него тоже была мечта. «Окончу путягу, будет третий класс... Потом в армию, оттуда – уже первый, все категории...» Олег Юрьевич мечтал продолжить династию и стать шофером. Тоже неплохо. Так что со мной он ездил, имея в виду еще и сугубо практическую цель – «Изу-чаю дороги...»

К осуществлению мечты, надо признать, я шел довольно твердо. С шестого класса посещал вечерний математический кружок. С седьмого – дополнительные занятия в знаменитой пятьдесят седьмой матшколе (сразу сообщу, что «пятисеми-том» в итоге так и не стал, подтвердив тезис, что для этого мало быть русским – надо еще и довольно плохо знать математику). Выписывал и, хотя и ни слова не понимал, внимательно прочитывал от корки до корки тематический журнал «Квант». Участвовал в самых разных естественнонаучных олимпиадах. По ходу дела поступил даже в физический класс еще одной хорошей школы, сумев, правда, решить всего одну задачу по физике против шести по математике. Повезло на собеседовании: умудрился войти в тот момент, когда «физик» отлучился на минутку по малой нужде, а «математик», оценив стопроцентный результат по своему направлению, меня быстренько принял... я вообще везучий! (правда, и в эту школу я тоже не пошел: совсем далеко было от дома, а у нас только до метро было в час пик полчаса в авто-

бусе, носом упершись в чей-нибудь хлястик...). А поступил, в конце концов, в маткласс третьей школы, и тоже очень хорошей. В общем, дорога к Мечте была прямая, и тут...

И тут однажды...

И тут вдруг совершенно случайно...

Наверное, это был первый Случай. Но совершенно точно – не последний в веренице деяний Непознанной Закономерности. Зачем? Не знаю... но раз оно было так – значит, так оно и надо. Физики, несмотря на дарованную им свыше Неопределенность Гейзенберга – зачастую фаталисты...

...Стоял прекрасный, хотя и беспросветно тусклый осенний вечер. Я, как и постоянно теперь после поступления в новую школу, работал над осуществлением Мечты – а именно, высунув от напряжения язык, прилежно постигал тонкости раскрытия неопределенностей по правилу Лопиталья. Неожиданно в дверь позвонили. На пороге стоял мой друг Олег Юрьевич, изрядно промокший и довольно печальный. Глаза его лихорадочно горели. «С Александром подрался...» – сообщил он, нервно разминая спёртую у отца «Яву-явскую», и кивнув головой в сторону мусоропровода, показал, что дальнейший разговор родительских ушей не требует. В результате коротких, но содержательных переговоров на лестничной клетке выяснилось, что...

«Александр» был учителем труда и прочего продуктивного рукоприкладства в нашей (вернее, в моей – уже бывшей) школе, и даже заодно – методистом по этому делу все-

го нашего северного района столицы. Полностью звался он Александр Васильевич Кузнецов и, что удивительно, не имел в среде питомцев никакого прозвища. За глаза его так и звали – «Александр» (хотя у моего будущего друга Сергея Базилевича учитель географии (географии!!!) звался Лев Семенович Атлас, и всё равно имел «погоняло»... Какое? Правильно: «Глобус»). Александра в школе уважали и побаивались. Тридцать безупречных лет на стезе народного образования превратили его в законченного педофоба. Мастерские его были автоматизированы и механизированы по последнему слову тогдашнего прогресса. На теоретические вопросы по технике безопасности и устройству токарного станка мы отвечали, молча, тыкая электрифицированной палочкой в варианты ответов, после чего сразу загоралась оценка (как правило «два» или «три»), а в ответ на обиженное сопение вспыхивало ярко-красное табло «Возьми дневник!!!» (им же сопровождался и каждый выход экзаменуемого к доске). Сам же Александр всё это время сидел, тяжело опустив голову на сложенные руки. Иной раз за сдвоенный урок труда он не произносил ни единого слова... и, как эмпирически установил однажды всё тот же Олег Юрьевич – обычно это случалось на следующий день после тихого камерного вечера в кругу коллег по просветительскому цеху: физкультурника «Бори» и учителя пения Петра Михалыча... Колоритное, конечно, было трио.

В общем, выяснилось, что мой друг умудрился подраться

с Александром. Вернее, как сказать, «подраться»... Почувствовав (рановато всё же) разворачивающуюся в четырнадцатилетних плечах силу-силушку, он попытался оспорить указание «Возьми дневник!!!», сославшись на традиционное «забыл дома». Александр этому вескому доводу не внял и предпринял попытку изъять дневник силовым путем, каковому Олег Юрьевич силовым же путем и воспротивился, ссылаясь на Женевскую конвенцию, Хельсинкское соглашение и хартию о неприкосновенности личного имущества. Слово за слово, дневник Александр все же добыл, заодно отвесив строптивцу пару затрещин, получил в ответ нечто вроде хука – в общем, вышел большой скандал с вызовом родителей, Олега Юрьевича заставили извиняться, пригрозили выгнать, потом сообразили, что он и сам уж рад-радешенек отсюда свалить – и тогда пригрозили наоборот, оставить, а потом классная Алевтина Алексеевна это дело замяла.

Прошла неделя, но обида не утихала. И вот теперь у Олега Юрьевича созрел план мести. Того блюда, которое подают холодным, ага. Он задумал перебить Александру окна в его мастерской, да не одно, а все пять (наша школа та, что называют «самолетиком»: мастерские во втором корпусе, с тыла на первом этаже). Причем, будучи натурой творческой, ну и в целях конспирации, само собой, – Олег Юрьевич замыслил это так: привязать к веревке килограммовую гантель, сесть на любимый велосипед «Кама» и, на полной скорости проезжая мимо и вращая веревкой, в кратчайшие сроки по-

разить все пять целей одну за одной. И, сделав невозможным проведение уроков и избегнув, таким образом, новой встречи с любимым педагогом, стремительно скрыться в ранней осенней мгле. Схема в простоте своей – поистине гениальная.

От меня в этой связи требовалась помощь, так сказать, по профилю: рассчитать скорость движения Олега Юрьевича в привязке к тактовой частоте махания гантелей, чтобы, значит, удары приходились точно в окна, а не в простенок. «Сам я чё-то, б ля, не могу сообразить, а ты у нас умный...» – завершил Олег Юрьевич свой доклад.

Сроку было дано завтра к вечеру.

Отбросив постылое правило Лопиталья, я углубился в решение интереснейшей, а самое главное – реальной задачи. Однако быстро осёкся... А как вычислить сопротивление воздуха? А падение скорости вращения гантели после удара по стеклу? А замедление из-за этого Олега Юрьевича как такового и дополнительное время на набор прежней скорости? Вопросы били, как говорится, наповал. Быстро пролистав задачник по математике до конца, я убедился, что требуемого мне примера нет и в помине. «Суша теория, мой друг...» Да и какое имеют значение все пределы, приращения и производные на исчезающе малых отрезках – когда пришла пора вступить за честь Товарища?!

Зато в срочно снятом с полки и до того момента ни разу не раскрытом «Сборнике задач по физике» подобного добра

было предостаточно. Летающие камни, несущиеся по сложным траекториям велосипедисты и сопротивляющийся из всех сил воздух в изобилии сыпались с каждой страницы. Сразу стало видно: вот здесь кипит настоящая Жизнь, здесь нет места абстрактным группам, поверхностям и графам – зато каждая задача есть чей-то маленький подвиг во имя настоящей мужской дружбы. Вслед за сборником была извлечена и давешняя брошюра с буквой «МФТИ», дрожащими руками перелистана и...

В каких-то полчаса всё было кончено. Старая Мечта была сдана в утиль, сразу и навсегда, вымысел навсегда уступил место реальности, а вместо шпильки в сердце моем поселилось это приземистое здание с заглавными буквами над входом...

Я же и говорю – Случай. Хотя...

Спасибо, мама.

И спасибо тебе, Олег Юрьевич. Спасибо – и прости. Твоя мечта не претерпела изменений, и ты стал тем, кем и хотел стать – хотя из всей шпаны нашего класса был чуть ли не единственный, кого считали небезнадёжным. Может быть, потому что однажды я так и не зашел к тебе...

Всё к лучшему.

Эпизод один/Эпизод два

Свой первый выезд на Физтех я запомнил хорошо. Да и второй, в общем, тоже...

К осуществлению новой Мечты я подошел еще более тщательно, нежели старой – видимо, сказался накопленный уже в этой области опыт. Первым делом, решив вступительное задание из журнала «Юный техник», стал учеником Заочной Физико-Технической школы, прославленной ЗФТШ, давшей путевку в долгопрудненскую жизнь не одному поколению юных «ботаников» со всех концов нашей необъятной страны. Стал – и в один прекрасный день извлек из почтового ящика конверт с казенным штампом и своим Самым Первым Заданием внутри...

Мы уже на Физтехе, друзья! И теперь, чтобы неподготовленному читателю было проще ориентироваться в местных терминах, диалектных выражениях и прочих локальных фразеологических оборотах – все непонятные словосочетания мы будем пояснять с помощью «Словаря-минимума». Вот, кстати, и первое:

Словарь-минимум

Словарь-минимум – триста наиболее употребительных в научной и технической литературе слов (английских), сведенных для удобства в специальную

брошюрку. Выдавался и изучался на втором курсе. Зна-

ние «словаря-минимума» требовалось «в обе стороны»: то есть, по нему бедных фестехов гоняли и с английского на русский, и с русского на английский – в отличие от большинства других упражнений, ориентированных в основном на простой перевод и хотя бы легкое понимание собственно-ручно переведенного.

Ну и сразу применим полученное знание на практике.

Словарь-минимум

Задание – основная форма вколачивания знаний по базовым предметам в головы фестехов. Два-три «задания» за семестр по шестьдесят-семьдесят задач каждое по физике, математике ну и каким-нибудь «дифференциальным уравнениям» для полноты картины – вполне достаточно для того, чтобы на все двадцать четыре часа в сутки обеспечить трудолюбивого студента счастьем Познания доселе Неизведанного. Недаром «задавальник» (книжечка с собственно заданиями) любовно именовался «задавИльником»...

Итак, в один, без сомнения, прекрасный день из почтового ящика было извлечено моё Самое Первое Задание. Две ротапринтных брошюрки, математика и физика, сперва вводная матчасть, затем, собственно, задачки. Задачки показались довольно хитрыми, но читать вводную матчасть я все равно поленился. Тем более, что первые две недели боялся не то что бы развернуть, а дышать и даже смотреть на Задания. Шутка ли – с Физтеха прислали. Мне. МНЕ. Знают, значит. Помнят. И даже, возможно – ждут. Наконец, я все-

таки взялся за НЕГО. Все решения были тщательно проверены и трижды переписаны начисто, на обложку трехкопеечных тетрадок были наклеены таблички для будущих оценок (сплошных «пятерок», само собой), тетрадки запечатаны в конверт, конверт отнесен на почту, а полученная взамен квитанция с гордой надписью «Куда: Институтский пер. 9, МФТИ» воцарилась на книжной полке на самом видном месте...

Обратно проверенного задания ждать пришлось довольно долго. Уже пришло, было решено и отправлено второе, пришло третье, а нужной весточки с Институтского всё не было. В общем, времени прошло ровно столько, чтобы несколько раз умерла и снова возродилась Надежда. Наконец, из помятого конверта извлечены были не ставшие уже привычными задачи, а мои родные тетрадки. Из надписи красной ручкой на обложке следовало, что моим заочным преподавателем назначен «студент первого курса Кротов Кирилл», а многочисленные пометки и замечания на страницах свидетельствовали о том, что работа над моим заданием была проведена самая тщательная...

О-о-о-о! Самый настоящий студент самого настоящего Физтеха разговаривает со мной как с равным, пусть и в удаленном режиме. Наверное, даже если бы я получил ответ от Деда Мороза на свое письмо, которое в детстве писал ему на каждый Новый год – я бы и то был потрясен меньше. О-о-о-о! Студент! МФТИ! Пишет! Мне! О-о-о-о! Вот, чего он там

строчит... «Абсолютно неправильно применен Второй закон Ньютона...» О, это он МНЕ, персонально... а вот еще – «Нет ни малейшего понимания понятия предела и ограниченности сверху...» Как живой говорит – «Где Вас так учили упрощать выражения???» Я почти был готов молиться на неведомого минуту назад «студента первого курса» Кротова...

Эйфория несколько спала, когда я, листая, добрался до заключительных страниц. Две синхронных сиротливых тройки венчали оба выстраданных труда, причем в своем финальном слове студент Кротов намекнул, что выставлены они скорее авансом, и даже сделал предположение о некоторой туманности моих перспектив в разрезе МФТИ в случае продолжения работы над заданиями в том же ключе...

Нет, я почти со всем был согласен – кроме, конечно, любимого Второго закона Ньютона, сместившего с первой позиции некогда царившее там правило Лопиталья. Немедля обложившись всеми имевшимися учебниками, справочниками и задачниками, я начал строчить подробный и обоснованный ответ студенту Кротову Кириллу, вылившийся в итоге практически в третью дополнительную тетрадку – но ведь Научная Истина должна была быть восстановлена! Тем более, что как раз пришла пора слать очередное Задание...

Ждать второго ответа пришлось еще дольше, чем первого – зато он оказался куда как более кратким. Особенно вяло Кротов Кирилл среагировал на мою двадцатистраничную попытку навязать ему жесткий диспут по поводу второго за-

кона Ньютона, сообщив что-то вроде «А может, ты и прав, мужик...». В ту пору я еще не знал, что «мужик» – это всего лишь принятая на Физтехе форма обращения друг к другу, так что расценил «мужика» как признание своей безоговорочной победы. Третий ответ состоял из одних лишь голых оценок по задачам. Четвертого не было вовсе...

Встревоженная мама разыскала телефон и позвонила самой Инессе, бессменной руководительнице ЗФТШ. Та обещала разобраться и попросила перезвонить через день. Через день выяснилось, что за плохую успеваемость и «снижение требований» к себе студент первого курса Кротов Кирилл сперва был лишен гордого звания «преподаватель заочной школы», а затем, по итогам первой же сессии – и базового звания «студента первого курса», и в данный момент его личное дело передано в соответствующий райвоенкомат города Москвы...

Это был удар. Не то чтоб я остался без преподавателя – назначили другого. И не то чтоб я сильно убивался по нелегкой будущей судьбе «сапога» Кротова. Просто как-то не укладывалось в голове: был фестех – и не стало фестеха... и практически своими собственными руками, путем «снижения требований» к самому себе... и бывший светлым и вождленным образ «студента МФТИ» несколько поблек в моих глазах.

Так я впервые понял, что фестехи – это тоже живые люди. А впоследствии и сам неоднократно подтвердил этот тезис

(здесь много «улыбок»).

А в ЗФТШ, конечно, мне довелось вернуться, уже в качестве «преподавателя», объяснив это для себя необходимостью вернуть тот моральный долг перед старшими товарищами, вынужденными в свое время почти три года ежемесячно разбирать мои путаные каракули. Включая, конечно, и горемычного студента Кротова, но... Само собой, мною двигали и меркантильные соображения – в тот год стипендия как раз ужалась до эквивалента двух бутылок пива у платформы «Долгопрудная», причем выпиваемых по схеме «посуда сдается на месте», а за разбор чужих уже каракулей полагалось какое-никакое, но все-таки денежное вознаграждение. Да и выступил я тогда, в основном, конечно, в незабвенном кротовском стиле. До сих пор помню свою трогательную переписку с одним весьма любознательным и чрезвычайно многословным юношей откуда-то из-под Усть-Каме-ногорска – диспут, завершить который пришлось сакраментальным «Да ладно, мужик, не переживай... Главное, чтоб ты к нам в итоге поступил, а Второй закон Ньютона – это ж, по сути, так...»

Жизнь, как всегда, оказалась еще справедливей, чем мы думаем. «Зарплата» в ЗФТШ начислялась раз в квартал, как раз перед ее получением грянул очередной «черный вторник», или что там еще было – так что вырученного за четыре стопки проверенных тетрадок хватило как раз на два билета в ложу Большого театра и два кокт... да нет, конечно.

На два билета на хоккей («проходной», дневной матч турнира «Приз газеты Известий») и два мороженых-«стаканчика» в перерыве. Так что работал в итоге в чистом виде – за идею. И так оно и правильно. И наконец...

И наконец, настал мой первый выезд. Заочная школа предлагала своим питомцам-москвичам еще и лекции два раза в месяц, математика и физика попеременно, прослушать по материалам текущего задания доклады доцента со смешной фамилией «Болибрух», ну и вообще – приобщиться, так сказать, к будущей альмаматери. И этот день – настал...

...Был чудный сентябрьский вечер. Солнце окатывало землю совсем летним светом, мягкие желтые краски лишь слегка проглядывали сквозь словно вновь разбуянившуюся зелень, и всё вокруг будто бы шептало – зимы не будет! Ни зимы, ни даже, возможно, и осени... да и могло ли быть иначе в ТАКОЙ день. Смирив гордыню, я согласился даже с тем, что мама поедет со мной – хотя, конечно, «мама» была не комильфо для четырнадцатилетних остолопов не только одной лишь нашей рабочей окраины.

Несмотря на относительную близость, до платформы «Лианозово» добирались мы аж на двух автобусах. Со временем я оптимизирую этот маршрут, заменив пересадку коротким утренним рывком до Дмитровского шоссе. Тысячу раз... да, никак не меньше... но то – был самый ПЕРВЫЙ. С еще большим временем дорога претерпит уже принуди-

тельную оптимизацию, когда один за другим начнут отменяться локальные рейсы, вплоть до того, что в Лианозово перестанет заворачивать легендарный 763-й автобус, и где-то на пятом курсе редкие уже поездки на Фестех за каким-нибудь заваливающим спецкурским или зачетиком по физкультуре будут начинаться с легкой пробежки до платформы уже «Дегунино». Но всё это будет потом.

«Лианозово» встретило нас обычной суетой малосанкционированной торговли с рук и совсем уж припозднившимися дачниками. Из-за плавного поворота от Бескудникова, изящно изогнувшись и слегка наклонившись, выкатила электричка. Всё во мне возликовало: вот, Физтех еще не начался – но он уже здесь! Это же живая иллюстрация к сто раз пережеванному сюжету – равноускоренное движение по окружности, наклон дороги помогает уменьшить трение, вот при такой скорости угол должен быть таким, а вот если такая, то синус... или, вроде, косинус... в общем, вот он я такой, и к поступлению в МФТИ практически готов. «Шша-а-а...» – мягко выдохнули двери и, захлопнувшись, покатали меня в новую жизнь...

Путь этот, надо заметить, оказался на удивление короток. Промелькнула платформа с космополитичным названием «МАРК», расположенная формально хоть и в черте города, но явно равноудаленная от ближайшего заасфальтированного участка местности не менее чем на один километр. Медленно и уныло протянулся удушливо пахнущий корпус

завода ДХЗТОС, некогда выпускавшего бинарные отравляющие соединения, а затем переконверсированный на мирную, но тоже жутко воняющую продукцию. И вот – стук колес замедлился, и наш довольно древний, дизайна годов эдак 60-х, состав плавно тормознул у платформы «Новодачная», о чем и оповестил скрежещущий голос машиниста...

Я вопросительно посмотрел на мать. «Вроде ж до Новодачной? Так вроде в Брошюре-то обещалось?» Та тотчас успокоила меня – «Да нет. Ну, в Долгопрудном же! Физтех – в Долгопрудном. Больше-то и негде!», однако, в конце предложения начала уже накапливаться неуверенность. Двери поезда оставались приглашающе открытыми. Встревоженная мама кинулась к той части вагонной публики, которая показалась ей наиболее интеллигентной – «Скажите... физико-технический институт – нам здесь выходить?!?!» Наиболее интеллигентная часть публики уставилась на нас молчаливым и непонимающим взором. И лишь один, сравнительно еще не до конца опустившегося вида мужик из дальнего тамбура весело откликнулся: «Здесь, мать... здесь!» Мы кинулись к дверям, но – «Шшша-а» – двери в Новую жизнь захлопнулись, и сама жизнь потекла мимо моего носа потрепанными спортивными площадками и изнанкой дальних общажных корпусов...

Но далеко не всё еще было кончено. Надежде в тот день было суждено родиться и умереть еще один раз.

Взмкнув от волнения и значительной скорости пере-

движения, мы, наконец, покинули дельта-окрестность платформы «Долгопрудная» и, спустя какое-то время, вступили на территорию Физтеха. Увиденное, конечно, несколько разнилось как с фотографиями в Брошюре, так и с глубоко личными предожиданиями – но и того хватило, чтобы я застыл в немом благоговении... Вот, весело переругиваясь и постукивая футбольным мячом об асфальт, прошла группа подтянутых молодых людей. Вот кто-то протащил совсем домашнюю авоську со свесившимся наружу и изрядно надкусанным батоном за 11 копеек «Студенческий» (нет, ну а какой еще?). Вот надрывно грянуло из верхнего окна неизбежное в тот сезон «Перемен – мы ждем перемен!» Вот... нет, не то чтобы я ожидал увидеть толпы интеллигентов-очкариков, деловито снующих в обнимку с карманными синхрофазотронами, но все-таки... хотя... хотя хватило и увиденного. Тем более, как быстро объяснил сам себе – имеет же, в конце концов, будущая научная элита страны право на личное времяпрепровождение, тем более в такой субботний вечер. А в обнимку с синхрофазотронами они сядут завтра... а, ну не завтра, а в понедельник, вот там, в тиши лабораторий и недрах выглядевших столь весомо учебных корпусов. Вот, кстати, и о корпусах. «Э-э, молодой человек, извините! – мама таки отыскала где-то в стороне о чем-то задумавшегося интеллигента-очкарика, – Молодой человек! Как нам отыскать Большую физическую аудиторию?»...

«Московский Физико-Технический институт прихотливо

раскинулся в излучине Долгого пруда, известного со времен царствования императрицы Е...» Ну ладно, ладно. Не прихотливо. Да и сам Долгий пруд, давно уж превратившийся в застывшее зеленоватое болотце, расположен где-то вдалеке (говорят, туда добежали только участники лыжной секции... ну, не знаю, я на футбол ходил). Но вот то, что «раскинулся» – так это совершенно точно.

В целом, архитектура Фестеха лишена внутренней, да и какой-либо вообще, логики. Начать хотя бы с того, что в полной мере по официальному адресу «Институтский переулок» находятся лишь Аудиторный и Лабораторный корпуса, то есть непосредственно те, с которых и «пошла есть» земля Фестеховская. Главный корпус и корпус Радиотехники расположены уже где-то в глубине квартала. А Новый, «Чернильница» (башня Корпуса прикладной математики, прозванная так за некогда радикально фиолетовый цвет) и, конечно, прославленная Столовая – стоят уже на улице Первомайская, берущей свое начало в шумной толчее Долгопрудненского транспортного узла и жизнерадостно и логично завершающей свое течение в преддверии «старого» Долгопрудненского кладбища. На Первомайскую же выходит и студгородок, включающий в себя также бассейн, спорткорпус №2 и профилакторий, этот последний приют всех оголодавших на питании одним лишь гранитом науки. И наконец, где-то в глубине локальной промзоны замаскирована наша сверхсекретная военная кафедра, куда мы, конечно,

тоже заглянем в свое время. Собственно, это лирическое отступление сделано лишь для лучшего понимания последующего эпизода, поскольку бывшие ТАМ всё прекрасно знают и без меня, а небывшие... Впрочем, если эта скромная книга подвигнет кого-нибудь на легкую ознакомительную экскурсию по Фестеху – автор сочтет свою литературную миссию на этой земле более чем выполненной...

«Молодой человек! Где же здесь все-таки Большая физическая аудитория?» Молодой человек внимательно осмотрел сначала маму, затем елозящего от нетерпения меня, причем во втором случае, как мне показалось, в глазах его мелькнула горькая сочувствующая улыбка... «Там... по аллее, направо, войдете в корпус и на пятый этаж...» Четко выполнив указания, мы действительно отыскали большую, хотя и не очень светлую аудиторию («пыль научных веков» – уважительно подумал я), количественный и качественный состав портретов на стенах которой неоспоримо подтверждал тот факт, что данное помещение – аудитория, безусловно, Физическая. Выбрав лучшее место где-то посередине, чтобы не очень близко, но и не слишком далеко – я аккуратно выложил на парту ручку, хрустнул новенькой тетрадкой, торжественно вывел что-то вроде «Лекция №1, лектор – профессор Болибрух» (учитывая важность события, научный статус докладчика был повышен) и приготовился записывать. Мама, мужественно дав клятву ничем не обнаруживать факта нашего родства, с каким-то литературно-художественным

изданием тихо пристроилась на самом верхнем ряду...

Характерно, что в аудитории мы оказались одни, несмотря на практическую близость указанных семнадцати часов начала. Сперва от волнения я даже не обратил внимания на этот факт, но когда часы показали без одной минуты пять, а народу не прибавилось ни на единого человека – всё во мне возликовало. «Один! Я один здесь со всей Москвы! Сейчас придет профессор и прочтет лекцию специально для меня!!! Он запомнит меня! Мы познакомимся и даже, может быть, подружимся! Он оценит мое желание и предложит позаниматься дополнительно! Ведь я один, ОДИН из всей столицы ТАК мечтаю поступить в МФТИ!!! Возможно, меня даже зачислят без экзаменов и заранее, так что я уже весь десятый класс смогу проходить в гордом статусе студента! Я!.. Меня!.. Сейчас!..» Я был на седьмом небе от счастья.

Более того, никто не появился и в пять минут шестого. И даже в десять. Особенно настораживающим выглядел тот факт, что не появился и сам означенный докладчик профессор Болибрух, так что едва выработанная и такая стройная гипотеза начала немедленно опровергаться методом контр-примера. Часы меж тем пробили уже пятнадцать минут, и даже двадцать. Аудитория сквозь пыльные окна начала наполняться мягкими осенними сумерками. Я беспомощно обернулся на маму, но она, погруженная в чтение, казалась, не замечала разыгрывающейся почти на ее глазах сыновней трагедии. Половину шестого гулко отбило оцинкованное вед-

ро – это пришла уборщица и начала противно шаркать тряпкой где-то в проходе. Заметив неубранных посетителей, она вопросительно взглянула на нас – мол, чего расселись-то... работать мешаете! «Мы эта... лекция... ЗФТШ... механика равноускоренного движения... профессор Болибрух...» – пролепетал я, уже чувствуя что-то глубоко неладное...

На Физтехе даже бабушки-уборщицы иной раз понимают в механике равноускоренного движения гораздо больше, нежели среднестатистический гражданин. Сочувственно обмахнув тряпку в ведро, бабуля посмотрела на меня добрым взглядом и сказала: «Дык ведь эта, милоч... лекция-то у тебе – небось, не здесь... туточки у нас тока студенты уже... Лекция-то небось – в ГЛАВНОЙ Физической: там и приборы, и лазер какой, и другая пособия наглядные... а тута – Физическая БОЛЬШАЯ...»

Да, друзья. В столь подробно описанном хитросплетении фестеховских корпусов коварно притаились две близняшки – одна аудитория Физическая Большая, а другая – Главная, заботливо кем-то разнесенные по разным корпусам на довольно значительное равноускоренное расстояние друг от друга. А не балуй...

Похолодев от ужаса и суля указавшему нам неверную дорогу интеллигенту-очкарику немедленно отправиться по пути незабвенного студента Кротова, я кинулся на поиски Главной физической. Влетев в нее, я обнаружил полную аудиторию народа, который весело галдел и задавал сидев-

шему у доски доценту Болибруху разные каверзные вопросы. Сама доска была испещрена формулами, в которых я, как обычно, не понял ровным счетом ничего – в отличие, надо понимать, от большинства галдящих, которые-то, понятное теперь дело, все непременно поступят в МФТИ, а я...

Вот так тысячу раз в нашей жизни рождается и умирает Надежда. Чтобы потом, возможно, когда-нибудь возродиться вновь...

И этот свой долг я тоже затем «закрыл». В самом начале второго курса, готовясь к знакомству с новым для нас предметом «Дифференциальные уравнения», я сосредоточенно выходил из мужской комнаты все того же Лабораторного корпуса. Из состояния задумчивости меня вывел сравнительно непожилой еще мужчина, вид которого можно было охарактеризовать выражением «профессор классический как он есть»: поношенный костюм его, то ли не по росту, то ли не по фигуре, топорщился на плечах, проседая куда-то вниз, а армейски-зеленоватый галстук, напротив, вздымался над белой рубашкой в вопиюще красную клетку. Ансамбль дополняли смахивающие на «туристические» ботинки и примерно того же фасона портфель, застегнутый, слава богу, на нормальный замок, а не перехваченный бельевой веревкой, как того требовало внутреннее чувство гармонии. «Молодой человек! Подскажите, как мне отыскать здесь Главную физическую аудиторию? Я что-то подзабыл, года три не читал тут у вас уже...» Я охотно объяснил опыт-

ному и старшему коллеге путь из данного корпуса в нужный ему Главный, включая ожидаемое число поворотов и лестничных пролетов, с чем и раскланялись: профессор отбыл по указанному маршруту, а я отправился в ожидавшую нас Большую физическую аудиторию.

...Звонок прозвенел, а указанного в расписании профессора всё не было. Не появился он ни через минуту, ни через две. Через две минуты сорок секунд откуда-то сверху раздался зычный клич наиболее старательной и ответственной части потока: «Так, ну вообще!!! Почти три минуты из драгоценного лекционного времени пропало зря!!! Нет, так мы решительно не можем заниматься! Тем более, еще вещи на „картошку“ собирать...» Вслед за чем наиболее сознательная и жаждущая знаний часть потока стремительно «слилась» с горизонта (забегая вперед скажу, что «картошка» ждала их только через полторы недели, правда, большинство в тот сезон до нее так и не доехало. Да и больше вообще никогда). Через пять минут, кряхтя, лекционное помещение покинула и несознательная и безответственная часть. Через десять минут нас осталось двое со студентом Базилевичем – нам как москвичам идти было особенно некуда. На одиннадцатой минуте в опустевшем помещении раздались гулкие шаги тяжелых, по звуку – туристических ботинок, и сердце мое за мгновение до успело тяжело екнуть: на пороге стоял МОЙ профессор... еще одна жертва фестеховской топонимики. Хотя кто еще жертва...

Нет, «диффуры» я, конечно, сдал. С третьего раза, но какое это теперь имеет значение???

...Следующий выезд оказался в каком-то смысле определяющим...

Ко второй лекции я подготовился куда как более основательно. Простудировал брошюру с Заданием, посидел над учебниками, разобрал пару-тройку показательных примеров... и всё равно, по ощущениям, вновь оказался самым неэрудированным (мягко говоря). Опять весело галдели и сыпали научными терминами юные, жизнерадостные лица, некоторые из которых уже успели примелькаться – а мы, серые неудачники, злобно нахохлившись, сидели где-то в средних рядах. «Ну ладно, – понуро утешал я сам себя, – Эти, что у доски, точно поступят. Хорошо, вот эти тоже. И даже вот этот... но мест-то в МФТИ явно больше, так что я вслед за ними! Есть же еще иногородние, те, небось, на лекции-то вообще не ходят... так что не всё потеряно!» Видимо, за этими противоречивыми мыслями я и пропустил как-то окончание лекции. Очнулся я, когда основная масса будущих абитуриентов уже покинула помещение, а наиболее активная часть, облепив преподавательский стол, продолжала жестко прессовать докладчика по ряду тонкостей уравнения Менделеева-Клапейрона – и уходить, судя по всему, в ближайшее время не собиралась. В по-прежнему смешанных чувствах я выплелся на улицу...

Был нудный субботний вечер, полный неизбежной древ-

нерусской тоски, какой он обычно и бывает в Средней полосе с тех пор, как Поэт в сердцах однажды воскликнул: «Октябрь уж наступил...» Моросил дождь. Продолжая мучительно прикидывать свои шансы на Поступление, я понуро брел по фасонно-эллиптически изогнутой тропе к платформе «Новодачная». Редкие фонари тревожно раскачивались среди ветвей, выбрасывая на дорогу пятна мутного света в форме конических сечений, как и предсказывала нам высшая геометрия. Дабы отвлечься от грустных мыслей, я стал пытаться уловить тот момент, когда парабола, опять же в полном соответствии, переходит в гиперболу и наоборот, как неожиданно...

«Слышь, додик... Тормози. Иди-ка сюда...»

Словарь-минимум

«Додик» (во множественном числе – додики, или доды) – наименование студентов МФТИ в среде юных долгопрудненских аборигенов.

Да, друзья... Вернее, даже так. Нет, друзья. Нет, я вполне понимаю, какими благородными мыслями руководствовались отцы-основатели Физтеха, располагая свое детище в месте, которое на тот момент не имело даже гордого статуса «города», а числилось по разряду «станций». «Русский Оксфорд» (ну или «Кембридж»), чистый воздух, березовая роща и отсутствие многочисленных столичных соблазнов в шаговой доступности – всё это, безусловно, должно было благотворно сказываться на духовном и интеллектуальном ро-

сте будущей научной элиты. Другое дело, что кембриджцы (ну или оксфордцы) из молодой долгопинской публики вышли неважнецкие. Конечно, сказать по правде, до нас уже только в виде седых легенд дошли рассказы об эпических схватках с «местными» – с конца восьмидесятых, слава богу, крепкие подмосковные парни могли чесать кулаки уже за вполне осязаемое вознаграждение, а не ради только чистого удовольствия воспитания «додиков», осевших на подведомственной им территории, так что градус былого противостояния постепенно сошел на нет. Мне, видимо, посчастливилось застать один из последних максимумов некогда грозного, но уже затухающего колебания...

И, кстати, совершенно неправильно воспринимать былые столкновения лишь с позиции тотального умерщвления хилых физтеховских агнцев, стоически принимающих этот интеллектуальный апартеид ради светлых научных идеалов, во все нет. Это глубоко ошибочное мнение понимать «студента МФТИ» как трогательного, худосочного очкарика с десятитомником подмышкой, **ОЧЕНЬ** ошибочное. Где-нибудь на мехмате там, или в нефтегазовой «керосинке» – там да, там я вполне допускаю, возможно... но фестех! (настоящий фестех, я имею в виду!) Нет, есть, конечно, и такие, и они тоже настоящие... Но очень многие, уверяю вас, очень легко своим (и далеко не напускным) имиджем вдохнут для вас новый смысл в само понятие «физическая культура»... вот взять бы хотя бы того же Фомича... да что там Фомич, когда

вот сам Андрей Васильевич... хотя тут мы забежали вперед. Короче, общий счет этого прославленного дерби, как и положено, колебался где-то возле равного, с учетом, конечно, различной трактовки сторонами отдельных эпизодов...

«Слышь, додик... Притормози...» Впрочем, повторять сентенции подобного плана пареньку, выросшему на простой рабочей окраине, необходимости не было – «додик» уже активно анализировал сложившуюся ситуацию. «Додик»... если б знал я в тот момент, что меня приняли за студента МФТИ! «Приняли» – это вообще было заветное слово... «примут – не примут...» Да я бы сам бросился на шею каждому и, возможно, даже расцеловал... Между тем, натужно преодолев подъем от собственно «Долгопрудной», к «Новодачной», до которой оставалась всего какая-то сотня метров, подбиралась запоздалая электричка.

Тут же прикинув в уме ее подлетное время к платформе и сопоставив его с собственными прекрасными (чего уж скрывать) данными в плане рывковой и дистанционной скоростей – я вычислил, что как раз успею стремительно ворваться в последний вагон. В конце концов, задача о пересечении траекторий материальных точек в кинематике – одна из самых простых и досконально изученных, так что я уже развернул ноги в направлении стремительного и, на мой взгляд, абсолютно непостыдного бегства...

«Стоять! – сказал вдруг внутренний голос, – Стоять. На месте, и не дергайся»

Ну, безусловно. Интуиция и сугубо научное предвидение – одно из необходимых качеств настоящего исследователя. Кто знает, сколько поистине великих открытий состоялось (ну или НЕ состоялось) лишь по причине наличия (либо отсутствия) этого самого трудноформализуемого компонента. Потому что... потому что электричка, лениво присвистнув, спокойноенько прокатила себе мимо, без малейших погуд на остановку...

О, электрички Савёловского направления! Когда-нибудь, конечно, кто-нибудь поистине достойный вскроет Вековое Уравнение вашего Движения... пока же приходится довольствоваться эмпирическим – «Чем тише едет, тем шансов нету вообще»...

В общем, в сорок шесть копеек обошелся мне второй мой визит на Физтех. Согласен, сумма скромная – тем более, что я и сорок шесть рублей легко отдал бы за возможность вернуться туда. Тем более, что теперь моё возвращение туда стало неизбежным. «Вырасту, выучусь, – бормотал я с интонацией Буратино, шаря по пустым, как и у деревянного мальчишки, карманам, – Поступлю и найду вас всех... Казлы, бля».

Мы уже на Фестехе, друзья!

Гимн 034

Да, друзья – мы уже здесь, на Фестехе. И теперь, наконец-то, я с чистой совестью могу представить вам главных героев этого взволнованного повествования – питомцев прославленной в веках группы «034». Эту немыслимую россыпь неограниченных алмазов, сияющих самородков и ярчайших звезд на голубом небосводе Науки...

Словарь-минимум

Группа 034 – нумерация групп в МФТИ базируется на простом и понятном принципе. Первая цифра – это крайняя цифра года поступления, в нашем случае это «0», 1990 год. Вторая, «3» – это порядковый номер нашего Факультета Аэрофизики и Космических Исследований (сокращенно ФАКИ – название, очевидно, было дано до периода массового вторжения зарубежных видеофильмов на отечественный рынок, иначе, надо понимать, оно было бы все-таки несколько иным). Ну и последняя цифра – это уже порядковый номер группы внутри факультета. Таким образом, с той поры свой фестеховский путь смогла начать и завершить ЕЩЕ одна группа 034... боже, боже (впрочем, это уже лирика).

Так бывает в музыке. Есть, к примеру, хорошая группа. Даже очень хорошая. Но вот лично тебя – не цепляет. Так, лежит где-нибудь в сторонке «Greatest hits» – ну и достаточ-

но. А другая – наоборот: как-то вот сразит так сразу в самое сердце – и начинается. Сперва все «номерные» диски, потом пойдут «синглы», «би-сайды», «концертники», «бутлеги», и биографию каждого участника ты будешь знать, словно он твой лучший друг, вплоть, что называется, до граммов вынюханного кокаина и числа перепорченных «группиз». Вот зацепило – и всё (я люблю музыку. Впрочем, это вы могли уже заметить. Хотя в дальнейшем чтении это знание вам скорее всего не понадобится).

Или вот – в футболе. Один спортсмен вроде и играет, играет – а не цепляет. И не любят его на трибунах. А уйдет – никто и не вспомнит. А другой – возьмет да и выдаст сразу что-нибудь эдакое. И – пронзит. И месяцами потом, и годами, и даже пятилетками будут ждать от него повторения. Верить. Надеяться. Жалеть, когда, наконец-то, закончит выступления. Зачастую – напрасно, и все-таки... (я люблю футбол. Более того, я люблю московский «Спартак» – и вот это-то знание вам понадобится для более четкого и правильного понимания ряда последующих эпизодов).

Парни «пронзили» все без исключения – и практически сразу. Каждый отличился в каком-нибудь ярчайшем эпизоде, чем моментально поднял до заоблачных высот как свой личный авторитет, так и рейтинг всей нашей группы в целом. Судите сами:

Студент Дмитрий Р. (он же в дальнейшем Непарнокопытный Друг, или попросту Конь... ну, вы поняли) на «картош-

ке», во время решающего матча между факультетами всю игру простоит на позиции «выдвинутого форварда», задумчиво ковыряя в носу. Простоит, чтобы за пять минут до конца, при счете 2:3 отнюдь не в нашу пользу, двумя четкими ударами «с полулета» принести победу родной команде. И всё! Всё!!! Можно будет годами не выходить на спортивную площадку, манкировать Матчи Века и демонстративно не соблюдать спортивный режим – ничто не поколеблет более звания лучшего нападающего в своей возрастной категории. Преподаватель физкультуры Матвеев, тычась в ведомость, будет удивленно поднимать брови – «Что-то я не вижу студента Дмитрия Р. ... последние два-три семестра... Он как – играет?» «Да, да, играет...» – покивают головами окружающие, и рука опытного наставника сама будет выписывать очевидное «отл.» в предусмотрительно подsunутой зачетке...

Студент Макс... именно к нему, как к человеку с самым умным из нас (и заслуженно!) лицом всё на той же «картошке», отчаявшись, видимо, достучаться до сердец остальной публики, обратится местный инженер по технике безопасности: «Молодой человек! Да объясните же вы им... электричество – оно же ведь невидимо. И неслышимо... оно подойдет – и ударит НЕЗАМЕТНО!!!» На что Макс, медленно сняв и аккуратно протерев свои очки на «минус-много», резонно возразит: «Мы же будем работать в чистом поле... Вы, наверное, имеете в виду СТАТИЧЕСКОЕ электри-

чество?» С той поры этот жест с очками регулярно будет означать начало стремительной умственной атаки на собеседника и неминуемое обращение того в постыдное интеллектуальное бегство – а сам Макс навсегда станет Главной мозговой и интеллигентной совестью группы.

Возможно, с позиций чистого разума превзойти Макса сможет только студент Дмитрий Ш. На сдачу первого задания он явится ослепительно, девственно чистым – в том плане, что без малейшего намека на решенные и приготовленные задачи. А на удивленно поползшие вверх брови преподавателя скажет лишь ласково – «Да Вы спрашивайте, профессор, спрашивайте...» Вслед за чем с легкостью воспроизведет на подвернувшемся листке бумаги содержание примерно ста шестидесяти двух страниц учебника «Общая физика, том 1» под редакцией Д. В. Сивухина. Гений, что и говорить. Причем гений в чистом виде, без малейшей, так сказать, практической пользы для одноклассников в плане там «скатать» или «сдуть», ибо скатывать и сдувать нам будет попросту неоткуда. Диму заберут от нас на теоретическую физику, само собой...

Студент Сергей Базилевич (опять же, сразу на «картошке», в полевых условиях) при помощи скрепки и пары спичек сумеет не только починить разбитую об чью-то непутевую голову гитару, но и практически идеально настроить ее. Свой благородный поступок он объяснит физической невозможностью слушать фальшивые звуки. С той по-

ры мнение его в музыкальных (и вообще художественных) вопросах станет определяющим, а обнаруженная тяга к педантизму приведет Сергея со временем на почетный пост учителя физики в одной из общеобразовательных школ столицы. А с еще большим временем – и к женитьбе на бывшей собственной ученице. Таким образом, он станет почти единственным из нас, кто не только применит полученные на Фестехе знания на практике, но и обратит их на пользу всему человечеству...

Уроженец Севастополя Юрий Пухляев своим прочтением бессмертной фразы «Ам хлэд – Ам студент» – навсегда потрясёт не только наш первый курс, но и практически весь личный состав кафедры иностранных языков, хотя там слышали всякого... (I'm glad I'm a student – это первая фраза самого первого текста, которым, говорят, обучение английскому языку в МФТИ начинается с самого его основания. Текст так и называется – «I'm a student» – словарь-минимум). Полученное звание «короля прононса» обяжет Юрия ко многому, и, спустя несколько лет, он первым из нас перенесется за Океан по так называемому «студенческому обмену».

Студент Старина... на первом же занятии по истории он жестко «встретит» доцента Ивана Ивановича Иванова (ФИО подлинные), когда этот мастер старой закалки опрометчиво предложит нам законспектировать что-нибудь на выбор из Ленина (90-й год, напомним... не 70-й, конечно,

но и не 2008-й). Точную конструкцию выступления Старины и количество упомянутых в ней мыслителей и философских систем я воспроизвести, само собой, не в состоянии (и никогда в нем не был). Можно лишь с уверенностью утверждать, что прогремевшее незадолго до этого знаменитое курехинское умозаключение «Ленин был грибом» – на этом фоне смотрелось бы крайне бледно и вторично. Неудивительно поэтому, что, хотя конец мукам Старины с передачей той истории положили только события Августа 1991 года – но на позиции ведущего астрально-эзотерического форпоста группы 034 он утвердился незамедлительно.

Студент Дмитрий М. во время вводного занятия по «компьютерной грамотности» практически голыми руками установит на выделенном ему аппарате таинственный «Виндоуз» – и это в те лихие дни, когда даже для профессорско-преподавательского состава оболочка NortonCommander-а казалось верхом совершенства. Этот успех Димы будет отмечен, и спустя несколько лет он окончательно покинет нас, скрывшись в недрах виртуальных сетей.

Студент Михаил Л. (а, ну это я, значит... добрый день) победит в конкурсе «Самая лучшая надпись на парте» нашей многотиражки «За науку». Вернее, как сказать «победит»... анонимно, само собой, третье место и спецприз в разделе «За волю к победе, или Крик души»: творение его представляло собой короткую интродукцию в виде слова «Лектор:» – и далее примерно полутораметровое повторение «бу-бу-бу».

Концептуально и со вкусом, согласен. Этот успех пробудит в Михаиле дальнейшую тягу к литературной деятельности, что и приведет его в итоге к написанию данного текста...

Студент Митрич... впрочем, о его Явлении народу будет отдельный рассказ.

Студент Маракасыч напротив, с первых же «колхозных» дней щедро проявит себя на почве не особо пристального, скажем так, внимания к нормам личной гигиены и, как следствие, неуживчивости в тесном мужском коллективе – за что будет слегка бит и навсегда станет для Группы её вечным Позором... но мы все равно его любим.

Отметится Поступком даже молчаливый, словно ушедший в себя студент Николай Гибсонов. Однажды он уединится в чистом поле и будет долго и сосредоточенно там что-то такое делать. Затем он тихо, словно СТАТИЧЕСКОЕ электричество, подкрадется со спины к Маракасычу и молча прижмет к его чистой, как и у всех бездельников, телогрейке половину свекольного кочана. Когда он отставит кочан, все увидят, что на телогрейке отпечаталось написанное высокохудожественным готическим шрифтом слово «ХУЙ». И Николая навсегда зауважают за его чувство справедливости и такта...

Командовал всем этим безобразием наш староста Андрей Васильевич. Мы встретим его, когда перед самым первым сентября, счастливые и просветленные, будем тащить из библиотеки свои первые институтские учебники. Андрей Васи-

льевич посмотрит на нас печальным взглядом и горестно сообщит: «Книжки несете? А я свой лабник уже где-то поселял...», чем и задаст практически навеки вектор нашего дальнейшего общения (об этом, впрочем, тоже еще будет сказано).

Словарь-минимум

«Лабник» – «Практическое руководство по проведению лабораторных работ», своеобразная, так сказать, связующая нить от Теории Физики к её Практике

Вы спросите – да могло ли столько настоящих героев нашего времени взять и вот так вот непринужденно собраться в рамках одной-единственной, причем еще не самой крупной, учебной единицы? Могло. Я бы и сам не поверил, если бы не был ТАМ... Случай? Да, безусловно. Случай, да – но никак не случайность. Парадокс близнецов. Неопределенность Гейзенберга, зажатая в четкие рамки принципа детерминизма и необратимости времени. Бесконечно большая вспышка дельта-функции на стремящемся к нулю интервале. Точка отсчета на мнимой оси единиц. Ведь я и сам попал в группу 034 случайно... или то был – указующий перст Судьбы?.. Решайте, в общем, сами. Дело было так.

В давние-стародавние времена нашей «абитуры», сиречь поступления, канонический Физтех состоял из девяти факультетов. ФРТК, ФОПФ, ФАКИ, ФМХФ — «большая», так сказать, четверка. Затем несколько загадочный лично для меня ФФКЭ (физическая и квантовая электроника), удален-

ный ФАЛТ (аэромеханика и летательная техника, базируется в подмосковном Жуковском), ФУПМ (управления и прикладной математики; не знаю, как они прикладывают в математике, а вот на футбольных полях «прикладывали» в те годы всех подряд, и очень ощутимо, надо признать), разудалые «проблемы» ФПФЭ (факультет проблем физики и энергетики, весёлая слава их общежития «восьмерки» гремела далеко за пределами Долгопрудного) и самый сравнительно (сравнительно!) «девчачий» ФФХБ (физической химии и биологии).

Но начиналось всё, само собой, с первых четырех факультетов. И если кому-то вдруг покажется, что выбор направлений для них был достаточно произволен, и почему бы, скажем, было не заменить химическую физику на, к примеру, наоборот, физическую химию... как бы не так, любезный мой гуманитарный читатель. Смотрите внимательно.

Как известно, дабы ничто не омрачало мирный созидательный труд советских граждан – отечественная баллистическая ракета (...выпущено цензурой, автору – Предупреждение...) должна была бесперебойно пронзать плотные слои атмосферы над условной территорией вероятного противника. Ну, или, во всяком случае – быть готовой это сделать. Таким образом, решать задачи движения на активном и пассивном участках траектории был призван Факультет Аэрофизики (ну, это наш, третий, как вы уже знаете). Ракетой в полете надо как-то управлять – этим займут-

ся brave парни с Факультета Радиотехники и Кибернетики (№1, поприветствуем, пожалуйста, наших дорогих «пальников»!) В полете ракета сжигает немыслимое количество топлива и окислителя – доблестные физхими с Факультета Молекулярной и Химической Физики день и ночь корпят над улучшением их и без того высокооктановых чисел. И наконец, по прибытии ядерного щита Родины к месту назначения – не худо там для остротки что-нибудь такое подорвать... ну, тут уж никто не сравнится с простыми, мужественными очкариками с Факультета Общей и Прикладной Физики (номер два, прошу любить и жаловать, они же «топоры», но почему именно «топоры» – рассказывать не буду... пусть сами расскажут, если захотят). Всё логично, как видите – и абсолютно ничего лишнего.

Также надо заметить, что одной из особенностей «Системы Физтеха»...

Словарь-минимум

«Система Физтеха» – «...С самого основания в Московском физико-техническом институте используется оригинальная система подготовки специалистов, получившая широкую известность как „система Физтеха“...» (из официального определения).

Так вот, одной из особенностей этой самой «Системы» является отдельный конкурс на каждый факультет. То есть способный, рвущийся к знаниям абитуриент с определенным набранным количеством баллов на вступительных экза-

менах (а экзамены, в плане задач на письменном во всяком случае, для всех одинаковые) может не пройти по конкурсу на что-нибудь умное, типа ФОПФ-а (хотя понятие «проходного балла» на МФТИ изначально отсутствует, и это тоже особенность всё той же «Системы»!) ... и в то же время с тем же количеством очков он с блеском может проскользнуть куда-нибудь попроще. Ну, на тот же на ФАКИ родимый... Экзаменов, кстати, тогда было четыре, математика и физика письменно и устно, так что общее количество заветных баллов могло колебаться от 12 до 20. В общем, были варианты. Да, и еще потом сочинение по русскому, но там уже без оценки, «зачет – незачет», чисто для проформы отсеять уникамов уровня «физека» и «матиматека», буде такие найдутся, не позорить чтоб в дальнейшем славное имя Ордена Трудового Красного Знамени Института...

Хотя, положила руку на сердце, выбора у меня особого не было. Ну, факультеты за пределами «Большой четверки» отпали сразу, да простят меня их питомцы – тут ничего личного. Радиотехника... боюсь, что понять, или хотя бы объяснить другим, как работает тот же транзистор – я не смогу до сих пор. Только разве что диод. С химией, буду откровенен – история почти такая же. Достаточно вспомнить глаза профессора А. П. Богданова, дай бог ему здоровья, когда он уже на экзамене после годовичного курса этого наследия средневековых искателей «философского камня» вдруг обнаружил, что я не в курсе тонкой разницы между понятиями

«моляР-ность» и «моляЛьность»... хвала Провидению, в эти глаза я смотрел уже после того, как заслуженное «отл.» было вписано в зачетку и Ведомость. ФОПФ... ФОПФ и сейчас, как ни старались его воспитанники образца 1990—1996 годов убедить меня в обратном – представляется все-таки наиболее мозговитым кластером Фе-стеха. Так что...

Не будем в который раз забывать и о времени, в которое осуществлялся наш выход из пубертатно-прыщевоего периода жизни. Еще свежи были в памяти воспоминания о дубине Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ), которой Стране Советов всю грозил бывший актеришко Рейган. Тема «Звездных войн» (само собой, НЕ знаменитого фильма режиссера Лукаса, это понятно) долгое время была доминирующей в отечественной печати, начиная от «Правды» и заканчивая любимым журналом «Юный техник». Последний весьма любопытно и сравнительно грамотно расписывал все прелести грядущего возможного противостояния двух систем на околоземной орбите и далее. Боевые межпланетные станции, фотонные двигатели, лазерные пушки и управляемые «чёрные дыры» – нет, тут определено было от чего упасть в очарование. Как известно, ближе к нашему Последнему звонку проблемы, обуревавшие бедную Родину, переместились из небесных высот в более приземленные, бытовые, так сказать, плоскости – но Мечта-то осталась!

Правда, ближе непосредственно к Поступлению, с разных сторон все увереннее стали доноситься голоса, что, де-

сказать, далеко не всегда на Фестехе под той или иной вывеской скрывается именно то, что нужно (тут у меня нет данных, считать ли это тоже частью «Системы Физтеха», или просто локальным недоразумением). Так, уже хрестоматийным примером стало то, что прославленный ИКИ (Институт космических исследований) приписан в качестве «базового» отнюдь не к факультету Космических же Исследований – а напротив, очень даже к «Проблемам физики и энергетики». Особенно усердствовала в этом моя внеклассная наставница Анна Николаевна (ну, репетитор, значит... тут я должен сознаться, что романтика романтикой, а толковые люди в этом тонком вопросе никогда не помешают... Когда с одного края блестящая карьера вплоть до личного полета в космос, как у старшего однокашника Александра Сереброва... ну или хотя бы как у Александра Филиппенко... а с другой – повестка, сборный пункт, сапоги 45-го размера и «Через две – через две весны!» – тут не до лирики). Спасибо Вам, Анна Николаевна (как, впрочем, и подавляющему большинству упомянутых здесь людей), но... но ведь хорошая, по-спортивному злая упертость – тоже неотъемлемая часть будущей звезды научного небосклона, верно? Да и кто из нас, сказать по правде, в семнадцать лет прислушивается к окружающим... да, а к кому мы прислушиваемся?

Итак, с уверенными девятнадцатью баллами (и тут еще раз спасибо!) я прибыл на... (тут, плача горькими слезами, автор сознательно должен опустить эпизод непосредственно

вступительных «испытаний», как их по-старомодному любят называть на Физтехе... иначе объем «словаря-минимума», необходимого для понимания всех остроумных тонкостей этого мероприятия, легко превратит сей текст в двух-, а то и сразу трехтомник – прим. авт.)

В общем, с набранными потом и кровью девятнадцатью очками я прибыл на собеседование...

Да!!! На Физтехе же всегда было «собеседование», в рамках всё той же «Системы»! Или даже как, наоборот, на заграничный манер любил называть его тогдашний ректор Николай Васильевич Карлов (он же, само собою, «Папа Карло») – «интервью». В том плане, что дословный перевод этого слова с латыни – «взаимный взгляд». И вот этот-то «взаимный взгляд» и заменяет в МФТИ пресловутый «проходной балл». В том плане, что сидит себе такая уполномоченная комиссия, маститые ученые, представители факультета, делегаты предметных и базовых кафедр, беседуют с тобой, дураком, в исключительно благожелательной тональности... ну и промеж делом выясняют для себя твои интересы, степень твоей вовлеченности в процесс, желание твоё устремиться к сияющим высотам Научной Истины именно в рамках Физтеха, а не где-нибудь еще. И вот, значит, если этот сиятельный ареопаг вдруг увидит, что, хотя баллов у тебя и маловато, но ты весь из себя такой и прямо-таки ослепительно стораешь от желания пройти по стопам Михайло, к примеру, Ломоносова – то тебя, так и быть, примут. И напротив:

если баллов у тебя хоть двадцать (а четыре «пятерки» получить – это, я вам скажу, не шутка), но жгучего интереса именно к МФТИ у тебя нет, да и на «двадцатку» тебя попросту «натаскали» заботливые частные преподаватели – тут уж извини, могут и развернуть...

Ну, когда-то давно, может, так оно и было. В наше же упадочное время все было уже попроще. Насчет «отраженных» «двадцатибалльников» я лично, честно говоря, никогда не слышал. А вот обратный случай имел место, когда поистине легендарный студент Потапов, уже один курс отучившийся, вылетевший, тут же заваливший следующую «абитуру», и повторно поступающий (а интегрально – в пятый раз!!!), с поистине жалкими двенадцатью очками явился на «интервью» – был-таки снова принят! Потому как тут уж сразу было ясно – человек ХОЧЕТ... также ясно, правда, было, что декан Ткаченко явно НЕ ХОЧЕТ уже кинуться от настойчивости студента Потапова в окно деканата и разбиться там насмерть, несмотря на всего второй этаж. Впрочем, об этом – уже совсем скоро. Еще, правда, был случай, когда один провинциальный поступающий, ужаснувшись окружающей Физтех среде, назвал его «розой на помойке» и, не дождаввшись результатов экзаменов, укатил восвояси. Якобы после этого Н. В. Карлов лично обещал его разыскать и принять «за точность формулировки» – но поскольку указанного парня вроде так и не нашли, данную историю мы проведем по разряду многочисленных «легенд»...

Короче, со своими трепетными девятнадцатью баллами я прибыл на Собеседование. Дожидаясь своей очереди и будучи близок к коварному «пределу сверху», я, честно говоря, слегка переживал за конечный исход мероприятия. Не хотелось, знаете ли, вот так за здорово живешь сойти за «натасканного» – поэтому на всякий случай я был готов в лицах пересказать краткое содержание тематических статей из любимого «Юного техника». А заодно, если понадобится, поведать даже, как по практическим советам журнала «Техника – молодежи» с помощью программируемого микрокалькулятора во время уроков играл под партой во вполне подходящую игру «Космический полет». Все эти данные вкупе с парой дипломов ФАКИшных олимпиад для школьников должны были, на мой взгляд, произвести на собравшихся должное впечатление.

Всё это время рядом со мной, безмятежно развалившись на подоконнике (знаменитое «сигарное» место возле читального зала Главного корпуса – это так, для точности экспозиции), курил умного вида человек – это был, как потом выяснится, знаменитый (и не только на ФАКИ) разгильдяй Виктор Порошков, пришедший (это под конец уже «абитуры» - то!) выяснить, когда там типа какие экзаменчики можно сдавать за второй курс, за второй семестрик-то... (Так, давайте-ка быстренько прикинем степень беззаботного величия студента Виктора Порошкова... Экзамены в летнюю сессию заканчиваются самое позднее 20 июня, потом несколь-

ко дней на пересдачу, потом два потока письменных вступительных, потом устные, потом еще сочинение – в десятых числах июля Порошков явился! Ну, самое время... говорю же – Великий!) ...ну и заодно, значит, посмотреть, как проходит собеседование у Порошкова-младшего (по разгильдяйству, замечу, затем оставившего далеко позади старшенького... гены, что тут скажешь!). Не знаю, чем я привлек внимание Порошкова-старшего – но вот привлек.

– Ты на ФАКИ же поступаешь? – осведомился настоящий знаменитый разгильдяй у будущего знаменитого писателя.

– На ФАКИ, – волнуюсь, подтвердил я (все-таки, с настоящим уже фестехом разговариваю).

– Куда проситься будешь, в какую группу? Баллов сколько? – продолжил своё собственное импровизированное «интервью» старший Порошков.

– Буду проситься на космические корабли. На звездолеты какие-нибудь... на фотонные двигатели в крайнем случае. А баллов у меня девятнадцать...

– Ты чё, муда-а-а-ак??? – несмотря на всю свою чудовищную лень, настоящий фестех можно даже сказать «вскочил» и вылупил глаза на удивительный природный феномен, которому вздумалось с девятнадцатью баллами проситься на звездолеты, – Ты дурак совсем, мужик, да? Какие еще звездолеты??? Очнись! Просись в «четвертую», остолоп, тут люди мечтают об этом всю сознательную жизнь, а ты с девятнадцатью фотонами бредишь. Тебя сразу возьмут. Не будь

идиотом, они в рейс идут...

Поясним гениальный ход мыслей бывалого фестеха Порошкова. Последняя цифра в номере группы – это не просто ее порядковый номер. В ней в сакральном виде зашифрован так называемый «базовый институт», по-простому «база» (Словарь-минимум). Это уже академический, исследовательский институт, к которому изначально прикреплена группа. Именно на «базе» начинаются с третьего курса занятия «по специальности», именно там у тебя появляется научный руководитель («шеф» – Словарь-минимум), и именно там в конечном итоге пишется и защищается дипломная работа. И наша будущая «четвертая» группа приписана как раз к Институту Океанологии им. П. П. Ширшова... Вы спросите, конечно – а что же общего между Мировым Океаном и Космосом? Ну, для начала – и то, и то безгранично, так я вам скажу... а Петр Петрович Ширшов, между прочим – четвертый из знаменитой четверки героев-папанинцев, о чем далеко не всем известно... А специализация в океанологии предполагает на пятом курсе участие в самой настоящей экспедиции, «рейсе», на каком-нибудь прославленном изыскательском линкоре, «Витязе» там, или «Академике Келдыше»... а из «рейса», если кто не дурак, во время захода в порты вероятного противника вполне реально привезти себе подержанную, но вполне себе еще ничего «тачку» (чем, кто не дурак, и активно занимались).

– ...они в рейс идут, тачку привезешь, не будь дебилом.

Тачка – это тебе не звездолет... – закончил свою мысль бывалый фестех Порошков.

ОООООМ!!! Своя ТАЧКА!!! Уже (всего лишь!) на пятом курсе, до которого почти рукой подать! СВОЯ ТАЧКА!!! (на дворе, напомним, стояло лето 1990-го года, не самого, прямо скажем, урожайного в плане личного автотранспорта для самых широких слоев населения, не только студенчества). Вмиг всё во мне перевернулось, и мощнейшие межпланетные звездолеты на фотонных двигателях стремительно скрылись в черной космической дыре. ТАЧКА... вооруженный этим внезапно открывшимся сокровенным знанием, я на трясущихся ногах вошел на Собеседование...

Представительная комиссия доброжелательно изучила мои результаты, благо, большая часть ее спокойно спала. Дело, в общем, было решенное... «Ну и в какой области желаете в дальнейшем специализироваться, Михаил?» – раздался гнусавый голос декана Ткаченко.

– Я это, – запнулся я, – в океанологии... (сейчас, сейчас они меня «расколют»... ну за каким чертом я послушался первого встречного дурака?) Желаю... океаном с детства брежу... в плавании занимался (две недели... пока не выгнали за хронические сопли... но этот факт лучше скрыть – какие сопли у морского волка???) ... в общем – ХОЧУ!

Услышав слово «океан», проснулся мужчина второй справа в очках (он, как потом выяснится, имел весьма жизнеутверждающую фамилию и крайне многозначительное имя-

отчество... его звали Владимир Владимирович Жмур).

– Океанология, говорите? – заинтересованно поправил опрау на переносице новый интервьюер, – Очень, очень хорошо. А про внутренние волны вы что-нибудь знаете?

«Вот оно, – подумал я, – здравствуй, армия... Вот не сиделось тебе на тихой трансгалактической орбите...» А вслух сказал:

– Нет. Но думаю, что это те волны, которые внутри.

– Логично, – согласился Жмур, – надо брать. И снова погрузился во вдумчивый сон...

Вот оно. Тот самый миг. Случай – но случайность ли? Нет. И тысячу раз нет.

Так я стал студентом distinguished «ноль-тридцать-четвертой» группы, гимн которой и пою до сих пор.

Про внутренние волны, кстати, я и сегодня, несмотря на все старания профессора Каменковича, знаю почти столько же, сколько и тогда.

«Самое простое на Физтехе, друзья – это поступить на него» – так напутствовал нас, уже наконец-то зачисленных, на первом общем собрании ректор Николай Васильевич Карлов. И был, как всегда, прав.

Сергей Базилевич и немного лирики

...Стоял душный июльский полдень. Расплывшийся контур солнца едва угадывался где-то над плотным атмосферным маревом, отяжелевший ветер вяло перекачивал пыль по раскаленному асфальту, и даже листва на деревьях шелестела как-то лениво и устало. Поверх чьих-то волнующихся затылков я смотрел на свою фамилию в списке зачисленных на первый курс МФТИ... Странно, но я не чувствовал ровным счетом ничего. Ни особой радости, ни даже пресловутого «удовлетворения от хорошо сделанной работы». Наверное, я слишком часто представлял себе этот момент раньше, в деталях и красках, вплоть до крика «Йоу!» и прыжка с места до третьего этажа... и вот я – студент. Можно разорвать по листочку «Методические указания для поступающих», торжественно сжечь на медленном огне «Варианты вступительных экзаменов прошлых лет», наконец, аккуратно проложив промокашкой и мысленно передав пламенный привет полковнику из военкомата, задвинуть куда подальше приписное свидетельство, о чем тоже не надо забывать... Вместо этого я понуро брел по шпалам по направлению к Москве (электричку, надо заметить, отменили даже в такой торжественный день... о, электрички Савеловского

направления! Вот я уже доберусь до вас.) и думал... думал о чем? О том, что колея отечественного железнодорожного полотна шире европейской для того, чтобы враг не смог использовать здесь свои вагоны... да, а шпалы, значит, уложены на таком расстоянии, чтобы человек нормального роста или семенил по ним, спотыкаясь через раз, или наоборот, тянул шажочек вплоть до «растяженья в паху». Эти сиюминутные рассуждения помогали отвлечься от тут же навалившихся раздумий глобального порядка: «А „потяну“ ли я учебу?.. А справлюсь ли?.. А сессия – это вот как?.. А с ребятами в группе – как сложатся отношения?.. А если в общегаге?.. Эх, неспроста Николай Васильевич сказал про „Самое простое – это поступить“, ох неспроста... А может и впрямь – „Оставь надежду всяк сюда входящий“?..»

Словарь-минимум «Оставь надежду всяк сюда входящий» – «заботливо выведенная белой краской на асфальте перед Аудиторным корпусом, эта фраза встречала всех абитуриентов, прибывающих для сдачи документов в приемную комиссию. Строгое это Предупреждение много лет регулярно обновлялось перед началом вступительных экзаменов, однако в последнее время по каким-то бюрократическим причинам это дело прекращено.

Да десять раз «ха-ха», друзья мои. Видимо, не я один был сминаем подобными мыслями... во всяком случае, именно для приведения таких вот рефлексирующих недавних школяров в положенный настоящему фестеху бодрый и молод-

цеватый вид – и было предусмотрено первое мероприятие из череды многих традиционных мероприятий. И имя ему было – «Отработка»...

Физтех вообще, как старушка Англия – силен и жив традициями. Недаром все-таки задумывался он как «русский Оксфорд» (ну, или Кембридж). Традициями как понятными и где-то даже естественными – так и наоборот, загадочными и необъяснимыми. Возьмем, скажем, слово «мужик», с которым на Фестехе традиционно обращаются друг к другу. Вполне логично для коллектива, девяносто пять процентов которого (по уточненным данным – девяносто шесть) составляют мужики как они и есть, и девушка в группе воспринимается практически как подарок Судьбы. Но фактически тут же – «тортик» в качестве универсальной оплаты за те или иные насущные услуги. «Потерян студак. Нашедшему – тортик», «Спишу лабу за второй семестр первого курса. Давшему – тортик», «В спортзале №2 забыта гирия 64кг. Принесшему – два тортика» – и так далее. Тут, казалось бы, в мужском-то коллективе должен был бы найтись другой всеобщий эквивалент единичной Доброты... ан нет: тортик. Парадокс, да и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.